

АЛЕКСАНДР ВАВИЛОВ

РАЗБИВАЯ ГОЛОС О ИОРДАН

ФОКУСНИК

Вроде бы всё, как прежде, но что-то не
Так. Или всё не так. И в душе разлад.
Цирк опустел, а в долбаной тишине
Фокусник пьёт кромешный денатурат.

Пьёт за Россию, Бога, конферансье...
Пьёт за себя, за кроликов, за покой...
Он не такой, как все. Он такой, как все,
Но если выпьет много, то не такой.

“Дети ж добрее были! Возьмёшь кота,
Сунешь его под майку, достанешь мышь —
Радуются. Теперь не дети, а сволота...
Их никаким искусством не удивишь!
Зла не хватает! Зла! Не хватает зла!
Прежние восхищались, а эти — в крик:
Мышь, говорят, под мышкой у Вас была,
Ты, говорят, обманываешь, старик!
Всё это в девяностые началось...
Точно уже не вспомнить, в каком году.
Публика деградировала насквозь
В каждом втором ряду и в любом ряду”.

ВАВИЛОВ Александр Владимирович родился в 1982 году в Свердловске. Публиковался в журналах “День и ночь”, “Дети Ра”, “Звезда”, “Наш современник”, “Нева”, “Новая Юность”, “Сибирские огни”, “Урал” и др. Лауреат нескольких фестивалей. Лауреат премии журнала “Урал”. Автор книг “Итальянский ноктюрн” и “Флорентийский блюз”. Живёт в Екатеринбурге.

Так вот он и спивался на кураже.
Фокусника уволили до того,
Как он решил уволиться. Вот уже
Клоуны пьют, не чокаясь, за него.

Фокусник утонул, как в реке топор...
Цирк перепрофилирован в шапито...
Все говорили “пьяница”, но с тех пор
Фокусы не показывает никто.

КОРАБЛИ

Комната, прокуренная нами.
Сжатый воздух. Лампочка в пыли.
На обоях синими волнами
Море размывает корабли.
Из колонок слышен тембр Стинга.
Фоном. А во взгляде — корабли.
В общем-то, обычная картинка:
Волны плюс отсутствие земли.

По обоям движется цунами,
И прибой вливается в отбой.
Комната, прокуренная нами...
Пустота, воссозданная мной.

ПЕСОЧНЫЙ ЗАМОК

Проще сразу тогда закрыться в пустом раю.
Это, в общем-то, не анамнез, но как-то так.
Ведь метафоры нам расскажут, что ты в строю
Не хотел ни стоять, ни жить. Никаких атак

Отражать не придётся в этой глухой ночи,
Потому что за полем зрения — благодать...
И когда за твоим здоровьем придут врачи —
Без бутылки ни разобраться, ни угадать.

Это всё-таки не анамнез. Конечно, нет.
Не метафоры нам толкуют густую тьму,
Не метафоры нам рассказывают про свет,
Потому что не открываются никому

Из людей, отказавших Господу в правоте.
Потому что не в этом дело, что ты живой,
Потому что за полем боя поля не те,
По которым в метафоричность ведёт конвой.

Потому что вне поля зрения — благодать.
Это, может, и не анамнез, но ты в ночи
И себя-то не смог как следует разгадать,
Разбирая песочный замок на кирпичи.

Наплевать уже на забвение. Пустота
Направляет горстями землю в твою кровать.
Не метафоры пыль смахнут с твоего креста,
Потому что им тоже, в общем-то, наплевать,

Потому что они и сами стоят в строю,
И тебя по нему ровняют во тьме атак.
Ты был Богу нужней, когда ты не жил в раю,
А теперь не анамнез это, а “как-то так...”.

ИОРДАН

Никого не будет в твоей стране,
Потому что пазухе камень дан.
А потом в холодном тоне огне,
Разбивая голос о Иордан.

А потом попробуй — начни с нуля,
Или даже сам становись нулём...
И не важно: ждёт ли тебя петля,
Или корка хлеба над хрусталём,

Или погребальный огонь свечи,
Или эти мысли за упокой.
Видишь, как танцуют в ночи врачи?
А теперь махни на врачей рукой.

Но не в этом дело, что дело в том,
Что не дело это — стоять во тьме.
Кто все эти люди над животом?
Что они там ищут в твоём клейме?

Разве это правильно? Разве да?
Разве ты посмеешь ответить “нет”?
Разве, окружая тебя, вода
Не ходила вброд? Находила бред.

Ты не приспособишься к темноте.
Но не важно, что тебя ждёт потом.
Пьяные хирурги на животе
Вышивают крестиком и крестом.

Спи, тебя никто не найдёт на дне.
Этот путь не Богом, но раз уж дан,
То не спорь с волнами — тоне в огне,
В кровь разбивши голос о Иордан.